Российская история. 2013-2023

ISSN 0869--5687

URL - <http://russian-history.ru>

Все права защищены

Выпуск 2 Том . 2021

С.В. Медведев. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в.

Овченко Юрий Федорович

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 07.05.2021

Ссылка для цитирования:

Овченко Ю. Ф. С.В. Медведев. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. // Российская история. – 2021. – Выпуск 2 С. 193-200 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870014486-5-1/>. DOI: 10.31857/S086956870014486-5

¹ Книга молодого российского учёного С.В. Медведева вносит существенный вклад в изучение проблем, связанных с борьбой политической полиции против революционного движения. Автор попытался проанализировать деятельность Московского охранного отделения (МОО), направленную на создание подконтрольных рабочих обществ, а также различные факторы, благоприятствовавшие или, наоборот, препятствовавшие реализации «инициатив» С.В. Зубатова. При этом отмечены «успешные или ошибочные решения авторов эксперимента», «недоверие правительственных чиновников к легализации рабочего движения, её кратковременность и зависимость от “главного архитектора идей”», учитываются протестные выступления рабочих, экономическое положение страны, восприятие Департамента полиции, московской охраны и губернских жандармских управлений (ГЖУ) в обществе (с. 6–7). В революционной среде «зубатовщина» рассматривалась как «полицейский социализм» и одно из

проявлений реакционной политики самодержавия. Термин «легализация рабочего движения», используемый Медведевым, свидетельствует о более объективном отношении к данному явлению. Вместе с тем, вслед за многими исследователями, автор употребляет и выражение «политический сыск», хотя в документах полиции, как правило, отличали «сыск» по уголовным делам от «розыска» политических преступников, осуществлявшегося розыскными и охранными отделениями.

² В кратком обзоре литературы и источников вполне объективно характеризуются как «исследования о политике и методах Московского охранного отделения по решению рабочего вопроса», так и труды, посвящённые истории и структуре органов российской полиции (с. 8). Глубоко изучив сделанное предшественниками, Медведев справедливо указывает на «довольно стандартный для оппозиционно настроенных авторов набор штампов» (с. 9), которыми приходилось пользоваться вплоть до 1990-х гг., рассуждая с «классовых и разоблачительских» позиций и всецело опираясь на ленинские оценки (с. 11). Неудивительно, что «советские историки практически не исследовали другие новаторские идеи одиозного начальника Московского охранного отделения» (с. 23). На этом фоне особое внимание заслуженно уделяется Б.П. Козьмину, подготовившему в 1928 г. «первую публикацию документов из личного архива С.В. Зубатова». Конечно, и на ней лежала печать времени, но собранные им материалы позволяли делать более взвешенные выводы. Несколько недооценивает автор значение статей А.П. Корелина (с. 17), не только рассмотревшего устройство зубатовских организаций, но и показавшего «зубатовщину» как «идеологическую диверсию» и базу для выявления и «разработки» революционеров.

³ При освещении историографии «российского периода» автор признаёт «наиболее основательным исследованием» по истории полиции труд З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)». Но, к сожалению, Медведев упустил из виду, что в данной монографии «создание московской школы филёров» (с. 27) отнесено к более позднему времени и связано с курсами, организованными в 1907 г., или «евстраткиной школой», как их называл А.И. Спиридович. Соглашаясь с Перегудовой, Медведев считает, что «Зубатова можно по праву назвать создателем политического сыска предреволюционной России» (с. 28). Между тем «техника розыска» или, говоря современным языком, «оперативно-розыскная деятельность» начала складываться ещё в начале 1880-х гг. в результате реформы гр. М.Т. Лорис-Меликова. Секретной агентуре и наружному наблюдению особое значение придавал уже подполковник Г.П. Судейкин. Зубатов развил эти традиции. Причём он выдвинулся не только благодаря своим незаурядным способностям, но и потому, что Москва стала связующим звеном между периферийными революционными кружками. Внедрив здесь своих агентов, Зубатов получил возможность контролировать эти связи и превратить МОО в ведущий розыскной орган империи. Разумеется, ему приходилось «лицемерить» и «лукавить», но это – обычная практика агентурной работы. Полемизируя с О.А. Кононовой, Медведев указывает на отказ правительства от легализации рабочего движения и утверждает, что «продолжение эксперимента после Первой революции в России было невозможно» (с. 36). Однако такое предположение нуждается в дополнительной аргументации, поскольку очевидно, что вместо зубатовских легальных организаций полиция

использовала в тех или иных случаях агентов в политических партиях и фракциях, сталкивая своих противников между собой. Не забывает исследователь и о зарубежных учёных, признавая, что «ценность их трудов заключается в оригинальной для середины XX столетия интерпретации эксперимента С.В. Зубатова, попытке преодолеть общеизвестные стереотипы и фактические ошибки» (с. 41).

⁴ В своих выводах Медведев опирается на изучение законодательных актов, делопроизводственных материалов, документов личного происхождения и публикаций, появлявшихся в периодической печати. Благодаря тщательному анализу этих источников он уточняет сложившиеся представления о взаимоотношениях Зубатова с Л.А. Ратаевым, Д.Ф. Треповым и кн. П.Д. Святополк-Мирским, показывает значение для розыска «анонимных доносов» обывателей (с. 46), пишет про приверженность Зубатова политике попечения о народных массах и констатирует, что легализация рабочих обществ «должна была существенно облегчить выявление политически неблагонадёжных элементов на фабриках и заводах» (с. 52). Однако легализация, конечно же, не сводилась к внедрению секретных сотрудников в рабочую среду. Агентура всё же средство, а не цель. И с её помощью Зубатов не только выявлял противников власти, но и пытался управлять массами.

⁵ В монографии созданы портреты секретных сотрудников охранного отделения и соратников Зубатова, а также его эмиссаров или «агентов влияния», занимавшихся как легализацией, так и осведомительной деятельностью (М.А. Афанасьева, Ф.А. Слепова, Н.Т. Красивского, П.П. Емелина, Ф. Игнатьева). Медведев раскрывает мотивы, приводившие их в охранку, выявляет отношение к ним полицейских чиновников, революционеров и представителей интеллигенции. Не менее ярко представлены такие единомышленники и помощники Зубатова, как служивший в Минске жандармский полковник Н.В. Васильев, который «нестандартно и неформально подходил к управлению ГЖУ» (с. 84), чиновник особых поручений А.И. Войлошников, принимавший активное участие в создании легальной рабочей организации в Москве и ставший, по словам Медведева, «вторым я» начальника МОО, а также Е.П. Медников, руководивший службой филёров. Но в целом подготовку и расстановку кадров Медведев считает слабой стороной «политики Зубатова», который, якобы, основывался «исключительно на своём чутье и умении разбираться в людях», хотя они не раз давали серьёзные сбои (с. 259). Однако историк не учитывает, что в тех конкретных условиях, в которых приходилось действовать Зубатову, у него не было особого выбора.

⁶ Автор сообщает о «глубоком проникновении политической полиции и её агентов в университетскую среду за несколько лет до Первой революции в России». С самого начала своего существования охранка бдительно наблюдала за учащейся молодёжью. В 1884 г. в МОО насчитывалось 14 секретных сотрудников, действовавших в учебных заведениях. Медведев заявляет, будто «атмосфера всеобщей подозрительности и страха, недоверия и презрения к полиции заставляла профессуру и студентов объединяться и принимать меры против распространения секретных агентов полиции в аудиториях». Но это ничем не подтверждается. Нельзя согласиться и с тем, что «многочисленные аресты студентов значительно усложняли работу агентов Зубатова в университетах,

краеугольным камнем которой были негласный надзор и осведомительская деятельность» (с. 64). Аресты как раз являлись способом реализации данных агентуры, а «негласный надзор» служил лишь средством осведомления и разработки. Можно лишь сожалеть о том, что исследователь не останавливается на «технике розыска» охранки, хотя рассматривает даже отдельные недостатки полицейского надзора за тюремными учреждениями.

⁷ Наиболее основательно в книге прослеживается «легализация рабочего движения в 1901–1902 гг.». По замыслу Зубатова, грамотные рабочие, объединённые в «общества взаимопомощи», должны были защищать свои права перед владельцами заводов и «аргументировано дискутировать» с фабричной инспекцией, чувствуя поддержку полицейского начальства. А поскольку основная масса трудящихся не была подготовлена к восприятию экономических учений, для неё устраивались общеобразовательные чтения, распространялись популярные издания и т.д. Но те, кто вступал в общества взаимопомощи, хотя и тянулись к просвещению, ожидали прежде всего решения своих насущных проблем. Отсутствие же заметных изменений в их положении неизбежно дискредитировало эти организации и вело к кризису в их деятельности и отношениях с должностными лицами и административными структурами. Рассказывая о просветительских усилиях И.Х. Озерова, А.Э. Вормса, В.Э. Дэна и противоречиях между Треповым и Зубатовым, Медведев констатирует, что свободное обсуждение рабочими на совещаниях своих жизненных проблем позволяло выяснить их образ мыслей. В этом заключалась полицейская сущность легализации. Для руководства всеми обществами взаимопомощи был создан Совет рабочих механического производства. В него провели агентуру, сделав полностью управляемым (с. 124).

⁸ Однако правительство не понимало или не хотело понимать затеи Зубатова, видимо, опасаясь недовольства фабрикантов, которые всё настойчивее противостояли легализации. Союзников МОО пришлось искать в Минске, где преобладала кустарно-ремесленная промышленность и мелкая торговля и проживало множество ремесленников, кустарей, приказчиков и рабочих небольших предприятий, часто находившихся под влиянием «Бунда». В противовес ему Зубатов поддержал создание Независимой еврейской рабочей партии (НЕРП), инициировал агитацию среди сионистов. А его ближайшие помощники – М.В. Вильбушевич, Ю. Волин, А. Чемерисский – развернули бурную деятельность по созданию легальных рабочих организаций, разрешённых губернатором кн. Н.Н. Трубецким под влиянием Зубатова и получивших поддержку у начальника ГЖУ Васильева. Временные успехи НЕРП способствовали обострению партийной борьбы и расколу революционного движения, вызвав, впрочем, заметное оживление в этих кругах. При этом ремесленные советы и правления фереинов (союзов) осуществляли негласный надзор за рабочими, информируя жандармов об их настроениях (с. 148). Тем не менее «объединение торгово-промышленных кругов города, опасавшихся самоуправления рабочих фереинов» (с. 156), и различие во взглядах начальника ГЖУ и генерал-губернатора помешали развитию «эксперимента». Местные власти не дали разрешения на деятельность московских агентов, не имевших к тому же возможности публично бороться с агитацией революционеров. Сказывались и непроработанность программы НЕРП, и неосведомлённость Зубатова о нюансах и

специфике еврейского рабочего движения, и недостаток контроля из центра, и отсутствие в Минске элементов экономической взаимопомощи – касс, потребительских лавок и т.д. (с. 157).

⁹ Попытки «легализации» в других городах оказались ещё более неудачны. Медведев связывает это с отсутствием «высокопрофессиональных кадров органов полиции, оказывающих серьёзную поддержку легальным рабочим обществам на этапе становления и развития», с малочисленностью пролетариата и прочными позициями революционных групп. В итоге малоразвитые работники небольших городов гораздо охотнее воспринимали теории разрушения государственного порядка и созидания социальной справедливости (с. 159).

¹⁰ Немалую роль играло и соперничество МВД и Министерства финансов, обострявшее трения между полицией и фабричной инспекцией на местах. В Москве выход из создавшегося положения Трепов и вел. кн. Сергей Александрович видели по-разному. Обер-полицмейстер категорично считал, что полиции следует обособиться и действовать, игнорируя фабричную инспекцию. Великий князь явно надеялся достичь соглашения на межведомственном совещании, созванном 13 июня 1901 г. Но и впоследствии фабричная инспекция противодействовала зубатовским организациям, защищая интересы капиталистов, а полиция, жандармы и губернаторы, критикуя инспекторов и заявляя об их бесполезности, оставались ограничены «бюрократической волокитой и законодательными преградами» (с. 184).

¹¹ Медведев впервые проанализировал освещение деятельности легальных рабочих организаций в периодической печати. С согласия властей о ней регулярно писали «Московские ведомости», «Новое время», «Русские ведомости», «Русское слово», «Торгово-промышленная газета» и др. Кн. В.П. Мещерский после громкого «дела Гужона» стремился «успокоить взбудораженное легализацией рабочего движения фабрично-заводское управление» (с. 198). Ещё ранее своеобразной попыткой оказать публичную поддержку зубатовским обществам стала крайне оптимистичная статья Л.А. Тихомирова о кассе взаимопомощи и её перспективах. По словам Медведева, звучавшие в ней «фантастические» заявления должны были вызвать «ироническую улыбку у фабрикантов и недоумение у рабочих» (с. 189–190). Между тем в условиях того времени подобные кассы не трудно было бы превратить в стачечные фонды, а затем и в источник финансирования революционного подполья, чего не могли не понимать их создатели (с. 192). О рабочем движении писали и активные участники его легализации. Так, Слепов рассуждал о необходимости повышения интеллектуального уровня и развития самосознания трудящихся, но не касался многочисленных проблем, с которыми сталкивались общества взаимопомощи (с. 198–199). Тем самым в подцензурной печати зачастую рисовалась радужная картина взаимопонимания между трудящимися и хозяевами, тогда как «Искра» предупреждала о «скором и неизбежном конфликте фабрикантов с членами обществ взаимопомощи» (с. 200). Нелегальная пресса резко осуждала «полицейский социализм» и разоблачала его активистов и идеологов.

¹² Автор книги считает, что «по реакции газет можно выявить изменение отношения чиновничье-бюрократического аппарата к легальным рабочим

организациям – от заинтересованного до равнодушного» (с. 200). Не случайно газетная кампания поначалу убеждала рабочих в том, что правительство решило взять под контроль их взаимоотношения с предпринимателями. Но её быстро свернули, как только выяснилась неосновательность этих надежд (с. 201–202).

¹³ В монографии раскрывается и теоретическая база легализации. Характерно, что один из её идеологов, Тихомиров, ратовавший за «народную интеллигенцию», наряду с образованием признавал необходимым и «улучшении нравственного облика рабочих, более глубокое их воцерковление», поскольку, по его мнению, «оскудение религиозности в различных слоях общества было... одной из причин успешной деятельности революционеров» (с. 205). Ожидалось, что решению данной задачи будут способствовать общеобразовательные чтения, внушающие уважение к нравственным ценностям, истории родной страны и существующей власти (с. 217). Вместе с тем, как утверждает Медведев, «публикация и официальное одобрение записки Л.А. Тихомирова было началом конца полицейских рабочих обществ» (с. 237). Почему так случилось и в чём это выразилось, исследователь, к сожалению, не поясняет.

¹⁴ Говоря о кризисе зубатовского «эксперимента», Медведев связывает его с тем, что рабочие, несмотря на выделенные им субсидии, так и не дождались реальной помощи от власти, а половинчатые меры полиции и местной администрации встречали противодействие со стороны Министерства финансов и революционеров. Проблема состояла и в том, что «по своей сути деятельность рабочих обществ взаимопомощи была востребована властью, но по форме устраивать её не могла» (с. 246). Весьма любопытно, как на этом фоне развивались взаимоотношения Зубатова со священником Г. Гапоном. Медведев справедливо не смешивает их организации в единое целое. Гапон стремился к самостоятельности и избавлялся от московских зубатовцев. Зубатов так и не смог поставить под контроль ни гапоновскую организацию, ни самого Гапона, который, несмотря на авантюризм и самомнение, пользовался поддержкой петербургских властей и проводил самостоятельную политику в рабочей среде.

¹⁵ Между тем, как пишет Медведев, «после провала агентурной деятельности независимцев в мелких городах» Зубатов обратил внимание на Одессу (с. 261). Правда, не совсем понятно, что подразумевал автор, говоря об «агентурной деятельности» независимцев. В охранке этот термин обозначал разработку революционеров и их партийных структур и групп, но тут речь идёт скорее о деятельности доверенных лиц или эмиссаров Зубатова, которые, будучи осведомителями, занимались пропагандой и организацией рабочих обществ. Исследователь характеризует М. Когана, М. Вильбушевич, Ю. Волина, Г. Шаевича, проводивших легализацию, и отмечает, что на первых порах независимцы имели успех. Тем не менее рабочее движение постепенно всё больше попадало под влияние социал-демократов. Вследствие «неприкрытой лести Шаевича в адрес Зубатова» глава Особого отдела Департамента полиции, по мнению историка, оказался «под влиянием своего агента» (с. 265). Такое предположение не кажется убедительным, поскольку Зубатов был достаточно опытен и самостоятелен в своих отношениях с агентурой и прекрасно понимал, чем может обернуться излишняя доверчивость или высокомерие. Едва ли именно

этим следует объяснять «особенности реализации принципов С.В. Зубатова в Одессе».

¹⁶ Если «в Москве и Минске общества взаимопомощи боролись за улучшение материального положения рабочих, то в Одессе, наоборот, экономические требования трудящихся были лишь поводом для проведения забастовок». Зубатов планировал добиться заметной идеологической поддержки легального движения, выпуская тематические журналы и газеты, но ни печатного органа, ни массовых публичных чтений город так и не увидел. Шаяевич жаловался на безденежье и происки врагов, но выделявшиеся ему средства тратил «на организацию широкого забастовочного движения», сообщая в Петербург «не всю или значительно приукрашенную информацию о происходящем». Но ведь тут не было ничего нового: в донесениях агентов всегда содержались сведения, которые не удавалось проверить без «перекрёстной агентуры». Автор уверен, что «Зубатов, явно переоценивая организационные возможности своих учеников, не задумывался о последствиях их деятельности на окраинах страны» (с. 266–267). Но следует учесть, что Особый отдел находился в столице и его возможности направлять и контролировать деятельность Шаяевича были весьма ограничены. Тем временем он вёл двойную игру, а Независимая рабочая партия с каждым месяцем всё больше превращалась в «центр стачечного движения» с правами легальной организации и летом 1903 г. строила в Одессе баррикады вместе с социал-демократами. Устроенная ею забастовка на заводе Росселя имела «свойства спланированной акции, направленной на дестабилизацию обстановки в городе» (с. 267–268). В свою очередь провал «легализации» в Одессе вызвал недовольство В.К. Плеве, а «личность Г.И. Шаяевича, его усилия, направленные на эскалацию конфликта между фабрикантами и рабочим явились одной из многочисленных причин забастовочного взрыва 1903 г., предопределившего увольнение С.В. Зубатова и ликвидацию его организаций» (с. 274).

¹⁷ В завершающей главе говорится об оценке Зубатова современниками. Медведев учитывает, что отношение к легализации рабочего движения во многом зависело от социального положения и рода деятельности мемуариста, его личных контактов с Зубатовым, времени, когда создавались воспоминания. За редким исключением, по мнению автора, отзывы о «зубатовщине» не отличались глубиной анализа, продуманностью и беспристрастностью. Высокопоставленные мемуаристы, как, например, министр финансов С.Ю. Витте или начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко, зачастую плохо представляли действительные мотивы зубатовской политики. А из тех, кто принимал в ней непосредственное участие, подробные записки оставил только профессор Озеров. Неудивительно, что тот же Витте высказывался о легализации «довольно примитивно» и скупое, не придавая особого значения «наивному и простому предприятию, не способному достичь заявленных целей». Гурко же и вовсе утверждал, что «система Зубатова была фантастична и могла лишь привести к печальным последствиям» (с. 290). Признавая необходимость улучшения положения рабочих, он тем не менее считал, что «допущение зубатовщины было крупной ошибкой Плеве, стоившей ему самому жизни» (с. 292). Жандармские офицеры А.И. Спиридович, П.П. Заварзин и А.Т. Васильев, напротив, оценивали действия Зубатова весьма высоко. Даже А.В. Герасимов, не сочувствовавший экспериментам в рабочей среде, отдавал ему

должное как розыскнику (с. 283). Резко критиковали Зубатова жандарм «старой школы» В.Д. Новицкий, руководивший киевским ГЖУ, но, как отмечает Медведев, едва ли соответствовавший этой должности (с. 285), и помощник начальника МОО Л.П. Меньщиков, ставший после эмиграции во Францию в 1909 г. разоблачителем тайн русской полиции. Тем не менее, несмотря на диаметрально противоположные суждения, исследователь видит в них «признание важной роли эксперимента С.В. Зубатова для России первых лет XX века» (с. 286).

¹⁸ В последнем параграфе Медведев подробно рассматривает записку об обстоятельствах увольнения Зубатова, которому предшествовало его вмешательство в борьбу между Витте и Плеве. Исследователь полагает, что «наивность талантливого сыщика можно объяснить его неискущённостью в вопросах сложной дипломатической игры». Более того, «скорее это была даже не наивность, а отчаянная попытка человека, имеющего неопровержимые доказательства распространения революционных сил, найти влиятельного сановника, способного приостановить этот процесс» (с. 300). Зубатова всё же трудно заподозрить в наивности, профессионализм сыщика обязывал быть осторожным и просчитывать свои действия. Однако самоуверенность могла толкнуть его на авантюру. В итоге, как сообщал в начале 1906 г. М.М. Стасюлевичу сам Зубатов, Плеве выслал его «в 24 часа из Петербурга в Москву, а через два месяца и из последней, запретив проживать в столичных губерниях» (с. 297). Затем, как пишет Медведев, Сергей Васильевич перебрался «во Владимир, где проживал с женой и сыном Николаем» (с. 56). Действительно, подав прошение об отставке, он решил поселиться в доме Тарасова недалеко от Золотых ворот (здание сохранилось). Но семья лишь периодически его навещала: поскольку сын учился в Московском университете, частые визиты, а тем более совместное проживание были невозможны.

¹⁹ В Заключении исследователь констатирует, что «эксперименту Зубатова» препятствовали и чиновники Министерства финансов и МВД, и начальники ГЖУ, и революционеры, и фабриканты, и сами рабочие, быстро разочаровавшиеся в возможностях легальных обществ. Немногочисленные сторонники легализации остались в меньшинстве, а их деятельность оказалась парализована. Вместе с тем росла «массовая ненависть к человеку, чьи побуждения были искренними, а действия – своевременными и обоснованными» (с. 301).

²⁰ Особо нужно отметить приложение «Анонимные доносы в московское охранное отделение». Медведев признаёт их «ценнейшим источником для изучения истории России дореволюционного периода» (с. 308). Анонимки не только демонстрировали наличие верноподданнических чувств, но и являлись средством сведения счётов, а для революционеров иногда и способом дезинформации. Их проверка возлагалась обычно на нижних чинов общей полиции, уровень образования и профессиональной подготовки которых оставлял желать лучшего. Впрочем, и те, кто писал анонимки, были, как правило, малограмотны. Автор систематизировал материал 1902–1904 и 1907–1911 гг., выделив «доносы на представителей различных социальных страт», «доносы на представителей различных национальностей», «доносы на студентов», «сведение счётов и недовольство полицией», «угрозы в адрес высокопоставленных лиц и членов царской фамилии». По существу данное «Приложение» представляет собой

первую попытку самостоятельного анализа доносов как важной составной части осведомления, о которой только упоминалось в других исследованиях.

²¹ В целом, исследование С.В. Медведева содержит немало новых сведений и оценок и является существенным вкладом в историографию спецслужб России, внутренней политики самодержавия и общественной жизни начала XX в. Ему удалось показать всю сложность той обстановки, в которой приходилось действовать С.В. Зубатову при попытке легализации рабочего движения.

S.V. Medvedev. Eksperiment Zubatova. Legalizatsiya rabocheho dvizheniya v pervyye gody XX v. Moscow, 2018

Yuriy Ovchenko

Abstract

Keywords:

Date of publication: 07.05.2021

Citation link:

Ovchenko Y. S.V. Medvedev. Eksperiment Zubatova. Legalizatsiya rabocheho dvizheniya v pervyye gody XX v. Moscow, 2018 // Rossiiskaia istoriia. – 2021. – Issue 2 C. 193-200 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870014486-5-1/>. DOI: 10.31857/S086956870014486-5

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 26.04.2023; URL - <http://russian-history.ru/s086956870014486-5-1/> Все права защищены.